

О. Г. Дьяконова

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В декабре 2014 г. Государственная Дума РФ одобрила подготовленную группой ведущих ученых в области гражданского судопроизводства и практиков Концепцию единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ). Концепция стала началом серьезного этапа в реформировании гражданского судопроизводства – перехода от научных дискуссий к формулированию правовых позиций. Единый ГПК РФ должен будет устранить противоречия между отраслями гражданского и арбитражного процессуального права, в том числе по вопросам осуществления доказывания, перечня доказательств и др. Несмотря на высокую оценку одобренного Государственной Думой РФ документа, следует отметить, что предлагаемые «структурные подходы» все же содержат положения, призывающие к дискуссии. Поскольку деятельность по доказыванию является «сердцевиной» судопроизводства, остановимся в данной статье именно на проблемах доказывания и доказательств, как существующих в настоящее время и порождаемых несовершенством правового регулирования и разночтениями Гражданского процессуального кодекса РФ, Арбитражного процессуального кодекса РФ и Кодекса административного судопроизводства РФ, так и прогнозируемых в будущем при условии принятия единого ГПК РФ с теми предложениями, которые сейчас нашли свое отражение в указанной Концепции.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

O. G. Dyakonova

PROSPECTS FOR DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF EVIDENCE IN CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

In December 2014 the State Duma approved the Concept of the Unified Civil Procedural Code of the Russian Federation (CPC RF) prepared by a group of leading scientists of civil proceedings and practitioners. The concept marked the beginning of very serious stage in the reform of civil litigation, when a scientific transition led to the formulation of legal positions. The Unified CPC RF will have to resolve the contradictions between the existing two branches of civil and arbitration procedural law on a number of contentious issues, including on issues of evidence, list of evidence and others. Despite the high assessment of this document approved by the State Duma, it should be noted that the proposed „structural approaches“ still contain provisions calling for discussion. As long as the activity of proving is at the heart of the proceedings we will focus in this article on the problems of proof and evidence, as currently available and caused by imperfection of legal regulation and different interpretation of Civil Procedural Code, Code of arbitration procedure and Code of administrative procedure, as predicted in the future, provided that the adoption of a single CPC RF with the proposals that are now reflected in this Concept.

Key words: evidence, proving activities, civil legal proceedings, administrative legal proceedings, the concept of a unified Civil Procedural Code of the Russian Federation.

Принятие в 2002 г. сначала Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ) [1], затем Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) [2] явилось значимым этапом в реформировании гражданского судопроизводства, однако, как оказалось, далеко не завершающим. Несмотря на то, что тенденция к унификации судопроизводства прослеживается в обоих кодексах, процесс, направленный на правовую интеграцию в этой сфере, был запущен. Но только спустя двенадцать лет группа ученых представила в Комитет по гражданскому, уголовному,

арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ГД ФС РФ) Концепцию единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (Концепция ГПК) [12]. Появились публикации, критикующие как основные положения принятой ГД ФС РФ Концепции ГПК, так и конкретные институты [7–9, 16, 17, 27, 31 и др.], в отношении которых в Концепции ГПК не нашлось конкретизированных положений. «Концепция недостаточно продуманна и поверхностна ... не

имеет строгой методологической основы, создана „в спешке“» [31, с. 15] и «на злобу дня» [17, с. 11]. С другой стороны, имеются ученые, которые поддерживают принятие единого ГПК РФ, обосновывают ряд принципиальных изменений, указанных в Концепции ГПК, хотя и отмечают необходимость их корректировки [20, 29, 30].

После принятия ГД ФС РФ Концепции ГПК в декабре 2014 г. работа над самим проектом единого ГПК РФ приостановилась. Как пишет И. В. Решетникова, унификация процессуального законодательства предполагает охватить три процессуальных кодекса (вернее, два кодекса и один проект): АПК РФ, ГПК РФ и проект АПК РФ [23, с. 26]. Но, как верно отмечает Д. Я. Малешин, грандиозные планы инициаторов создания «единого ГПК» нарушило «ускоренное» принятие Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ) [3]. К тому же разработка проекта ГПК РФ «показала минусы российского нормотворческого процесса, когда решение о принятии того или иного акта абсолютно не связано с реальной жизненной потребностью в нем, может быть продиктовано целями, не имеющими ничего общего с необходимостью совершенствования действующего законодательства» [18]. Действительно, принятие КАС РФ выглядит нелогично с учетом стремления к унификации гражданского судопроизводства. Кроме того, КАС РФ представляет собой не лучшим образом подготовленный с точки зрения юридической техники симбиоз положений ГПК РФ и АПК РФ, о чем мы уже писали ранее [6].

Анализ Концепции ГПК заставляет поддержать мнение ученых, ее критикующих, и остановиться на некоторых положениях межпроцессуального комплексного правового института доказывания и доказательств. Деятельность по доказыванию является «сердцевиной» любого вида судопроизводства, и следует согласиться, что «доказывание, будучи межотраслевым процессуальным институтом, объективно должно иметь и реально имеет общие для любой процессуальной отрасли права черты» [23, с. 26].

Прежде всего, обратим внимание на формулирование перечня доказательств в Концепции ГПК, как на определяющую направления регламентации основу. В действующих АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ по-разному регламентируется этот аспект. Часть 2 ст. 64 АПК РФ предусматривает возможность представления иных документов и материалов. ГПК РФ (ч. 1 ст. 55) и КАС РФ (ч. 2 ст. 59) настаивают на возможности представления только четко обозначенных средств доказывания. Практика показывает, что и в гражданском, и арбитражном процессах представляются так

называемые «иные» документы и материалы, однако в арбитражном судопроизводстве суду не приходится «выдумывать» некорректные способы их приобщения.

Авторы Концепции ГПК, поднимая этот вопрос, указывают на необходимость введения исчерпывающего перечня доказательств (п. 6.1 Концепции ГПК). Это оправдывается весьма спорными аргументами: во-первых, «при введении в законодательство неисчерпывающего перечня доказательств происходит размытие видов доказательств», а во-вторых, в качестве примера приводят «заклучение экспертизы, проведенной стороной до судебного процесса», которое «суды расценивали как письменное доказательство... данное доказательство в судебно-арбитражной практике стали относить к иным доказательствам (ст. 89 АПК РФ), хотя проверка достоверности, порядок исследования данного доказательства ничем не отличается от письменных доказательств. Для „иных же доказательств“ не установлен порядок оценки их достоверности» (п. 6.1 Концепции ГПК).

Что касается первого аргумента, то можно поддержать мнение Т. В. Сахновой: «...он вряд ли может быть принят, если в законодательстве четко прописать критерии (признаки) судебного доказательства, общие правила исследования и оценки доказательств и при необходимости частные правила, обусловленные спецификой некоторых видов доказательств (например, «электронных», получаемых при помощи преобразующих технологий, которые, правда, не нашли отражения в проекте)» [27, с. 18].

Нельзя также согласиться с утверждением «об идентичности природы акта несудебной экспертизы и письменного доказательства, одинаковости правил их исследования и проверки. Это заблуждение, уравнивание данных доказательств судебной практикой имеет вынужденный характер, поскольку отсутствует соответствующий законодательный регламент» [27, с. 18].

Полагаем, что приведенный авторами Концепции ГПК пример доказывает ущербность нормативного регулирования закрытого перечня доказательств, поскольку указывает на то, что документ, полученный по результатам экспертного исследования (пусть даже проведенного по запросу стороны процесса), можно представить просто в виде письменного документа и оценивать именно в качества такового, игнорируя особенности исследования и оценки такого доказательства, как заключение эксперта. Это «заклучение эксперта» не может называться «иным» доказательством и относиться к письменным документам. В свое время об этом писала и Т. В. Сахнова: «Заклучение внесудебной экспертизы допускается на практике в качестве

письменного доказательства, поскольку оно подпадает под некоторые формальные признаки письменного доказательства, закрепленные в ст. 71 ГПК (полагаем, это временное и не вполне юридически корректное решение)» [26, с. 426].

Добавим, что оценка заключения эксперта отличается от оценки и письменных, и иных доказательств, и в целом любого другого доказательства, несмотря на то, что к нему предъявляются общие требования об относимости, допустимости и достоверности. Эти отличия складываются исходя из сущности данного доказательства, а также порядка его получения путем выполнения комплекса действий, в которые включаются: выбор эксперта, формулирование вопросов, соответствующих виду назначаемой экспертизы, подготовка объектов, проведение экспертом исследования на основе специальных методик и другие действия, непосредственно влияющие на последующую оценку заключения эксперта как доказательства. Кроме того, отметим, что единый подход к оценке всех доказательств проявляется в наличии и обязательном использовании общих правил доказывания, присущих, кстати, любому виду судопроизводства. Но при этом существуют особенности исследования и оценки каждого вида доказательства. Некорректное применение этих правил неминуемо повлечет ошибки в доказывании.

Мнения ученых по рассматриваемому вопросу ожидаемо разделились. Одни ученые поддерживают авторов Концепции ГПК в необходимости закрепления закрытого перечня доказательств [13], указывая на то, что в ГПК РФ такой перечень на практике хорошо себя оправдывает. Конечно, авторы приводят более весомые аргументы. Так, И. В. Решетникова считает, что для «иных» доказательств порядок оценки их достоверности пока не установлен, что свидетельствует в пользу сохранения исчерпывающего перечня доказательств» [23, с. 29]. Т. В. Ярошенко полагает необходимым сохранить закрытый перечень и выработать единый подход применительно к таким качествам судебных доказательств, как относимость и допустимость, что будет способствовать вынесению законных и обоснованных решений [34, с. 84].

Другие авторы считают наиболее оптимальным открытый перечень, по примеру установленного в АПК РФ, и также отмечают, что он тоже хорошо себя зарекомендовал. А. Т. Боннер полагает «вряд ли возможным считать в полной мере соответствующим задаче установления истины по делу и исчерпывающий перечень средств доказывания, ныне содержащийся в ч. 1 ст. 55 ГПК ... ведь самый подробный

исчерпывающий перечень средств доказывания в условиях научно-технического прогресса рано или поздно неизбежно устареет» [5]. К тому же А. Т. Боннер, в качестве примера анализируя противоречивую практику судов общей юрисдикции, в том числе практику Верховного Суда РФ, по отношению к информации, полученной из Интернета, считает возможным использовать ее в качестве средства доказывания [5]. Отказ от исчерпывающего перечня средств доказывания дает возможность использования в современном арбитражном процессе в качестве доказательств разнообразную информацию. Именно поэтому содержащаяся в Интернете информация значительно чаще используется арбитражными судами [21].

Ю. А. Свирин считает, что «суды отказывают в ходатайстве об исследовании и приобщении непоименованного доказательства к материалам дела по формальным основаниям, без рассмотрения их относимости и допустимости. Как нам представляется, в Концепции заложена та же ошибка, которая имела место в ГПК 1964 г. и ГПК 2002 г. Непоименованные доказательства не должны иметь второстепенное значение для суда. У сторон и иных лиц, участвующих в деле, должно быть право сделать заявление о подложности представленного доказательства. Если такого заявления не последует, то все доказательства должны оцениваться судом как равноправные» [28, с. 162].

Наличие исчерпывающего перечня доказательств способно привести к необходимости внесения изменений в связи с появлением какого-либо средства доказывания ввиду развития и совершенствования способов фиксации информации. Так, говоря о ч. 2 ст. 64 АПК РФ, Е. А. Нахова отмечает, что данная норма принята на будущее, когда, возможно, будут развиваться абсолютно новые виды доказательств, например такие, которые существуют в зарубежных процессах: компьютерная и видеореконструкция событий и т. д. [19, с. 364]. На подобный пример обращает внимание и М. А. Фокина: «Учитывая опыт США, к числу таких доказательств могут быть отнесены компьютерная и видеореконструкция событий (например, при крушении авиалайнера), рентгеновский снимок трубопровода под землей, который был проведен в штате Колорадо, в результате чего впоследствии было доказано повреждение магистрали трубопровода (появление трещин). На основании одного доказательства было получено другое: из-за появления снимка была проведена экспертиза почвы и выяснилась ее подвижность, способность нарушить целостность трубопровода. В качестве заключения экспертом была подготовлена

компьютерная программа. На основании приведенных доказательств суд штата Колорадо принял решение о запрещении эксплуатации трубопровода, его демонтаже и перенесении за черту населенных пунктов» [15].

По мнению М. А. Фокиной, в ГПК РФ дан исчерпывающий перечень доказательств, в АПК РФ закреплен открытый перечень доказательств, включая иные документы и материалы. «Вопрос об открытой системе доказательств требует анализа двух его аспектов, а именно: как соотносится открытая система доказательств с принципом состязательности и каковы пределы судейского усмотрения в решении вопроса о допуске неформализованного доказательства. Другой аспект вопроса состоит в том, будет ли готова противоположная сторона к состязанию, если доказательство, именуемое «иными документами и материалами», ей неизвестно и не определено. Для предотвращения эффекта неожиданности необходимо усовершенствовать процессуальный порядок раскрытия доказательств и предусмотреть меры процессуальной защиты в случае уклонения стороны от раскрытия доказательств» [15].

Есть и своеобразные высказывания на этот счет: например, Ю. Ф. Беспалов, комментируя ст. 59 КАС РФ, делает вывод о закрытом перечне доказательств по административному делу, т. е. «в него входят доказательства, отвечающие требованиям относимости, допустимости и полученные в установленном федеральным законом порядке» [4]. При этом он считает «положения комментируемой статьи идентичными положениям ст. 55 ГПК РФ и ст. 64 АПК РФ [4]. Некоторые авторы полагают, что в числе новых (в действующем ГПК РФ) средств доказывания присутствуют не упоминавшиеся в ГПК РСФСР аудио- и видеозаписи, заключения специалистов [14].

Существует, однако, точка зрения, что «... во многом от правосознания судьи зависит возможность принимать в качестве допустимых доказательств электронные документы, представляемые участниками процесса, поскольку ч. 1 ст. 55 ГПК РФ предусматривает открытый перечень допустимых в гражданском процессе доказательств», в отличие от ч. 1 ст. 157 ГПК РФ, содержащей закрытый перечень доказательств, которые «должны быть исследованы судом непосредственно в судебном заседании» [25]. Но с учетом формулировки нормативных положений ГПК РФ в части определения средств доказывания, причем не только в главе 6, это мнение не выдерживает критики.

В пункте 6.2 Концепции ГПК обозначен ответ на вопрос об отнесении объяснений сторон и третьих лиц и объяснений лиц, участвующих в деле, к числу

доказательств, с чем следует согласиться. Объяснения данных лиц содержат основные сведения, имеющие значения для дела, и в большинстве случаев от объяснений сторон, например, представленных в исковом заявлении и отзыве на него и подтвержденных в судебном заседании, отталкиваются в последующей деятельности по осуществлению доказывания. Кроме того, действительно, судами они уже признаются в качестве доказательств.

Однако в отношении такого доказательства, как консультация специалиста, Концепция ГПК не содержит никаких положений, что не мешает ученым дискутировать по этому поводу. «АПК РФ уже после введения его в действие по непонятным причинам дополнил перечень доказательств консультациями специалиста (ст. 64, 871). ГПК РФ не последовал этим сомнительным нововведениям исходя из устоявшегося понимания того, что «специалист» приглашается судом (по уголовным делам – и следователем) только для оказания помощи в собирании и исследовании доказательств путем дачи консультаций, пояснений или оказания технической помощи (фотографирования, отбора проб для экспертизы и т. п.). Такие консультации не могут рассматриваться как доказательства, поскольку сами по себе не содержат сведений о фактах, подлежащих доказыванию. Эти непродуманные нововведения усугубляются появлением в арбитражном процессе специалистов суда, в частности Суда по интеллектуальным правам, которые, по-видимому, должны были в некоторой степени заменить собой технических судей. Однако такие специалисты не только лишены особого арсенала правовых гарантий, которыми обеспечивается судейская независимость, но и находятся в прямом служебном подчинении у руководства Суда по интеллектуальным правам» [13, с. 14].

Во-первых, позволим себе не согласиться с определением форм участия специалиста в приведенной цитате; во-вторых, такой подход к определению форм вызывает ошибочное отношение к консультации специалиста только как к пояснению, данному во время того или иного судебного действия. Подобное понимание консультации специалиста не отражает специфики самой консультации, которая может быть дана не только при проведении судебных действий по исследованию доказательств. Предоставляя суду и лицам, участвующим в деле, консультацию, специалист может сообщить сведения, имеющие значение для дела, позволяющие по-иному взглянуть на полученную ранее информацию или подтолкнуть к поиску новой. К тому же ученые нередко делают вывод о том, что «специалист может разрешать вопросы и

права, и факта, не ограничиваясь оказанием технической помощи суду» [10, с. 213].

С другой стороны, в п. 26.1 Концепции ГПК предусматривается возможность применения в качестве доказательства правовой экспертизы или заключения специалиста в области права, учитывая опыт Конституционного Суда РФ, что учеными подвергается критике, так как «правовая экспертиза абсолютно не соответствует традиционным подходам к использованию специальных познаний при осуществлении правосудия» [13, с. 15]. Подобная закоренелость прослеживается особенно тогда, когда сфера научных интересов ученых, рассуждающих о возможностях и проблемах того или иного вида экспертизы, весьма далека от судебной экспертологии, в рамках которой уже не первый год существует вид экспертизы – судебно-нормативная, концепцию которой уже разработала Е. Р. Россинская [24].

Оригинальным можно назвать и подход авторов Концепции ГПК к определению допустимости доказательств. Как отмечает Д. И. Ивашин, «трудно признать рациональным подход ... предлагающий установить перечень недопустимых доказательств, в частности, при их получении с применением насилия, угроз, обмана, а равно иных незаконных действий; в связи с проведением процессуального действия лицом, не имеющим права осуществлять производство по данному гражданскому делу, и др. ...Достаточной являлась бы формулировка о недопустимых доказательствах как полученных с нарушением закона» [8, с. 37]. Мы же полагаем верным мнение Ю. К. Орлова, что «допустимость определяется, прежде всего, соблюдением формальных правил, прямо указанных в законе ... в идеале законодательство должно стремиться к максимально полной детализации правил, определяющих допустимость доказательств» [22, с. 71]. Фактически проведенный им анализ свойства допустимости на основе двух подходов («плодов отравленного дерева» и дифференцированного подхода, разделяющего процессуальные нарушения на существенные и несущественные) позволил Ю. К. Орлову сделать правильный вывод о необходимости применения второго подхода и разделять виды нарушений, влияющих на допустимость доказательств, на существенные и несущественные.

К сожалению, верно отмечает А. Н. Латыев, анализируя Концепцию ГПК, «речь идет не о выработке принципиально новых подходов к регулированию процессуальных отношений, а о компиляции имеющихся процессуальных законов» [16, с. 69].

Рамки статьи позволяют остановиться лишь на небольшом количестве значимых для процесса

доказывания аспектов. Они составляют «верхушку айсберга», поскольку существующие в настоящее время противоречия в регламентации положений о доказывании и доказательствах в действующих процессуальных кодексах только подчеркивают отсутствие системного и единообразного подхода, и приходится констатировать, что цель Концепции ГПК пока не достигнута. Следовательно, над совершенствованием регламентации институтов доказывания и доказательств в гражданском судопроизводстве еще предстоит работать. Это надлежит делать с учетом межотраслевого (процессуального) характера института доказывания и доказательств и имеющихся научных разработок как в сфере гражданского процесса, так и других процессуальных отраслей, а также судебной экспертологии и практики применения действующего законодательства.

Список библиографических ссылок

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.08.2017).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.08.2017).
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.05.2017) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.08.2017).
4. Беспалов Ю. Ф. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (пост., науч.-практ.). М.: Проспект, 2016. 768 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе: моногр. СПб.: Юрид. книга, 2009. 832 с. Доступ справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Дьяконова О. Г. Вопросы регламентации институтов судебной экспертизы и участия специалиста в административном судопроизводстве // Актуальные вопросы судебных экспертиз: сб. ст. М.: РГУП, 2017. С. 61—78.
7. Елисеев Н. Г. Конструктивная критика Концепции единого Гражданского процессуального кодекса на основе динамической теории права // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 8. С. 76—88.
8. Ивашин Д. И. Доказательства и доказывание в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Современная наука. 2016. № 1. С. 35—38.
9. Исаенкова О. В. Концепция единого ГПК — от обсуждения к реализации // Вестник гражданского процесса. 2015. № 4. С. 48—62.
10. Кайзер Ю. В. Кодекс административного судопроизводства РФ: вопросы судебного доказывания // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 3 (44). С. 212—215.
11. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (пост., науч.-практ.) / под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2016. Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс».
12. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1)). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 5—25.
14. Крашенинников П. В., Рузакова О. А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2014. № 6. С. 71—120.
15. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М. А. Фокиной. М.: Статут, 2014. 496 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Латыев А. Н. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса России: взгляд с другой стороны // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 46—70.
17. Малешин Д. Я. От Концепции единого ГПК к общему судебному кодексу // Вестник гражданского процесса. 2016. № 3. С. 10—24.
18. Малешин Д. Я. Смерть «единого ГПК». URL: <https://legal.report/author/smert-edinogo-gpk> (дата обращения: 07.08.2017).
19. Нахова Е. А. Доказательственное право в гражданском и арбитражном судопроизводстве: общая часть. СПб.: ВВМ, 2012. 545 с.
20. О концепте единого процессуального кодекса России / Г. Д. Улетова [и др.] // Современное право. 2014. № 12.
21. Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер: приложение к информационному письму Президиума ВАС РФ от 07.07.2004 № 78 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.
22. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. 175 с.
23. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском судопроизводстве в преддверии унификации процессуального законодательства // Закон. 2014. № 10. С. 26—32.
24. Россинская Е. Р. Судебная юридическая (правовая) экспертиза: за и против с позиций современной судебной экспертологии // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 8. С. 56—69.

25. Рыжов К. Б. Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 240 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 784 с.
27. Сахнова Т. В. О концепте единого Гражданского процессуального кодекса России (заметки по поводу) // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 9—27.
28. Свирин Ю. А. Некоторые размышления о концепции единого Гражданского процессуального кодекса России // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). С. 161—166.
29. Улетова Г. Д. [и др.] К обсуждению проекта Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Современное право. 2016. № 6. С. 76—85.
30. Хисамов А. Х., Шакирьянов Р. В. Некоторые вопросы систематизации норм гражданского процессуального законодательства в контексте его унификации // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 71—87.
31. Шерстюк В. М. О Концепции нового единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства: сб. ст. М., 2015. 272 с.
32. Шерстюк В. М. Переход количества в качество в гражданском процессуальном праве // Вестник гражданского процесса. 2016. № 1. С. 10—30.
33. Яков В. В. Проблемные вопросы регулирования компетенции в проекте Кодекса гражданского судопроизводства Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2015. № 1. С. 28—45.
34. Ярошенко Т. В. Актуальные проблемы реформирования гражданского судопроизводства и законодательства на современном этапе // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2016. № 1. С. 81—86.